

Видя, что Е Тянь лукавит, Ляо Хаодэ замолчал. Сделав несколько шагов по дороге, он вдруг спросил: "Е Тянь, разве тебе не интересно, что я нашел в шестистах метрах от деревни?"

Е Тянь совсем недавно думал об этом и, услышав вопрос, сразу заинтересовался: "Что вы там нашли?"

"Ха-ха-ха, так ты утверждаешь, что не говорил ничего мне?"

Ляо Хаодэ громко рассмеялся. Но стоило ему вспомнить, что его, пятидесятилетнего старика, чуть не обвел вокруг пальца десятилетний мальчик, его смех сразу оборвался, и он густо покраснел от стыда.

"И что с того? Нельзя принимать на веру все, о чем говорит ребенок..." Е Тянь ехидно улыбнулся. Дети не только врать, но и хулиганить могут.

"Ой, ты упрямый малыш. Наверно, даже есть откажешься, чтобы не потерпеть убытки..."

Ляо Хаодэ беспомощно покачал головой: "Сяолун передал мне твои слова, и, вернувшись в деревню, я сразу навестил старейшину. Он сказал, что на юго-западе от деревни в шестистах шагах находились когда-то родовые могилы предков семьи Ляо.

Но, когда умерла моя мать, на месте ее упокоения не установили памятник, а могила давно сровнялась с землей. Даже зная, что она похоронена там, я не могу найти точное место. Теперь ты понимаешь, зачем я пришел просить тебя о помощи?"

Вернувшись с ярмарки, Ляо Хаодэ позвал нескольких стариков из деревни, чтобы проверить состояние родовой могилы. После слов Е Тяня он и сам вспомнил об этом месте. Но сейчас там ровное поле, этот участок засеян кукурузой.

Прямых потомков семьи Ляо в Китае не осталось, а дальние родственники не решались приехать на эти могилы, чтобы сжечь благовония или самим хоронить своих покойников. А спустя пару десятков лет об этом куске земли все забыли.

Найдя могилы своих предков, Ляо Хаодэ сначала обрадовался, но затем его снова постигло разочарование. На этом участке земли похоронено более десяти поколений семьи Ляо, в том числе и его дед.

Не зная точного места могилы матери, он не решался копать, чтобы не беспокоить других предков. Вряд ли его покойный отец хотел бы этого.

Побродив по родовому могильнику пару дней, Ляо Хаодэ вспомнил о Е Тяне. Если этот мальчик смог узнать цель его приезда в Китай и место родового могильника, то и гроб его матери найти ему не составит труда, верно?

Старик позвал Го Сяолуна, но тот не знал, где живет одноклассник. Тогда Ляо Хаодэ решил обратиться в отдел Рабочего Единого Фронта, товарищи оттуда нашли Юй Хаожаня и попросили проводить их в дом, где жил Е Тянь.

Узнав, как все было, Е Тянь искоса взглянул на старика и спросил: "Дедушка Ляо, то, что передал вам Сяолун, я узнал по вашему лицу. Но если вы не смогли ничего найти, то я точно не смогу помочь..."

"Хм... ты это узнал, лишь взглянув мне в лицо и даже не спрашивал дату рождения моей

матери или мою. А теперь говоришь, что ничего не можешь. Малыш, ты лукавишь..."

Ляо Хаодэ просто так не одурачить, тем более, что он не обманывался насчет возраста Е Тяня. В этом мире много странных людей вещей, а Е Тянь уже показал, на что способен.

"Дедушка Ляо, я вчера повредил свою изначальную ци, поэтому действительно сейчас ничем не могу помочь..."

Е Тянь покачал головой. Но, увидев печаль на лице старика, улыбнулся и предложил: "Я вам помочь не могу, но мой наставник может. Он прямой потомок клана Май, прекрасно знает фэн-шуй, геомантию, астрологию. Его предсказания невероятно точны. Никто в стране с ним не может сравниться..."

"Правда?" Ляо Хаодэ воспрял духом. Если маленький ученик такой способный, надо ли сомневаться в мастерстве его наставника?

"Конечно, правда. Моему наставнику почти сто лет..."

"Так пойдем же, пойдем скорее. Позволь мне навестить старого праведника..." Старик не поверил, что наставнику Е Тяня сто лет, но все равно торопился спросить у него совета. В его сердце вновь вспыхнула искорка надежды.

Летом склоны Маошаня покрыты цветами, деревья радуют глаз свежей зеленью листвы — очаровательный пейзаж. По дороге дети часто останавливались, чтобы полюбоваться природой. От деревни до храма всего полчаса пешком, но они добрались туда лишь к полудню.

Увидев старого даоса, Ляо Хаодэ еще больше поверил в свою удачу. Его удивил ровный цвет лица, контрастировавший с совершенно седыми волосами и бородой. Ляо Хаодэ всегда считал, что именно так и должны выглядеть даосские праведники. Даже не успев перекинуться со стариком парой фраз, он уже был уверен — перед ним настоящий даос.

"Вот сукин сын, уже носишься как оглашенный. Тебе уже стало получше? Дай-ка руку..."

Старый даос был удивлен, увидев Е Тяня. Вид у ученика был цветущий, но наставник все равно тщательно осмотрел его и проверил пульс. Лишь убедившись, что сердце работает отлично и проблем со здоровьем нет, он успокоился.

"Наставник, это дедушка Ляо, он хотел встретиться с вами. Он приехал из Соединенных Штатов и собирается пожертвовать храму немного денег..."

Услышав, что сказал Е Тянь, Ляо Хаодэ сначала опешил, но спорить не стал. Если старый даос действительно поможет ему исполнить последнее желание отца, то пожертвование в десять тысяч юаней — небольшие деньги.

"Я слышал о старом праведнике, живущем в этом храме, и сегодня решил навестить вас. Надеюсь, я не помешал..." Естественно, Ляо Хаодэ был предельно вежлив, но вот жертвует ли он деньги храму, зависит от того, поможет ли ему старый даос.

Поздоровавшись с ним, Ляо Хаодэ обратился к своему племяннику: "Фэн Куан, поиграй с детьми возле храма. А Е Тянь пока останется со мной..."

Дети были очень послушными и сразу же ушли играть вместе с Фэн Куаном. Еще им было интересно посмотреть на работу строителей, которые ремонтировали храм.

"Наставник, а что в этих больших сундуках? Почему я не видел их раньше?"

Рядом со старым даосом Е Тянь увидел три больших деревянных сундука, выкрашенных в красный цвет, каждый высотой около полуметра. С виду они были очень старые, и краска на них уже потускнела и местами облупилась. Им, наверно, больше десяти лет.

Е Тянь уже успел изучить все, что было в храме. Это не сложно, учитывая аскетический образ жизни наставника. Но этих сундуков он не помнил.

"Ты каждый раз спал на них, когда приходил сюда, а говоришь, что в первый раз видишь?"

Старый даос рассмеялся. Раньше он разместил сундуки вдоль стены и снаружи обложил их кирпичами, сделав большую лежанку. Это не только для экономии места, так вещи в сундуках были в большей сохранности. Если бы не ремонт храма, он не стал бы их выносить наружу.

"А что это за вещи?"

Любопытный Е Тянь заглянул в сундук. Увидев, что лежало внутри, он не смог сдержать удивленного взгласа: "Наставник, зачем вы храните столько старой бумаги?"

Сундук, который открыл Е Тянь, был доверху заполнен свитками разного размера, а по углам лежали мешочки, заполненные сухой известью для снижения влажности.

Е Тянь развернул верхний свиток и воскликнул: "Это... это картина..."

Размер свитка небольшой, примерно сорок сантиметров в длину и тридцать в ширину. На нем были изображены краб и две креветки. Всего несколько грубых мазков кисти, но рисунок был невероятно выразительным и реалистичным.

В левом нижнем углу была сделана каллиграфическая надпись "В дар доброму отцу-основателю от младшего". Почерк был простой и старомодный, без явного наклона, иероглифы немного стилизованные, но выглядела надпись величественной, динамичной и естественной. Как и сам рисунок, надпись демонстрировала мастерство художника.

Ниже было приписано "Рисовал Байши в девятый год Китайской республики", а ниже стояла красная печать с тремя иероглифами "Господин Байши". (прим. Байши — Ци Байши, знаменитый китайский художник и каллиграф, известный картинами в стиле "цветы-птицы" и "насекомые-травы", а также уникальными рисунками креветок.)

"Наставник, а кто такой Байши? Эта картина такая красивая..."

Е Тянь был очарован. В рыбах и креветках он хорошо разбирался, и этот рисунок был очень точный, почти как фотография. Краб и креветки на бумаге казались живыми.

Старый даос вытянул шею, чтобы взглянуть на картину, скривил губы и ответил: "Ци Байши? Один бедный художник, скитавшийся по свету. Негодный человек. Твой старый наставник составил для него гексаграмму, а он отказался платить. Вместо платы он нарисовал мне несколько картин..."

Вообще-то Ци Байши — известный художник, но старый даос говорил о нем с легким презрением, гордясь только своим искусством. Байши написал очень много прекрасных картин, но лично подписанные им по пальцам пересчитать можно.

Но в этот раз хвостовство старого даоса не достигло цели. Е Тянь понятия не имел, кто такой Ци Байши. Свернув свиток, он положил его обратно, и потянулся к сложенной в четыре слоя серой ткани, лежавшей в самом низу.

"Бесценные гексаграммы, точные суждения, верные решения? Каллиграфия Чжан Дацяня? Ха-ха, наставник, а одежду, в которой вы по рекам и озерам ходили, тоже до сих пор храните?"

Кусок ткани, который развернул Е Тянь, был длиной около метра и шириной шестьдесят сантиметров. На ней было написано несколько иероглифов, прочитав которые, мальчик не смог удержать смех.

Не важно, какие способы использовали бродячие предсказатели, все они одевались одинаково. Этот кусок ткани называется пинцзинь. На нем писалась краткая фраза, привлекавшая клиентов, затем ткань закрепляли на деревянной раме и носили в руке, как флаг. Пинцзинь — обязательный атрибут всех бродячих гадателей.

Недавно на ярмарке Е Тянь видел такой пинцзинь возле стола гадателя, и надпись была похожая. А ведь старый даос тогда с презрением отнесся к бродячему коллеге, кичась своими предками из клана Май. Правда, у бродяги надпись на пинцзине была не такая красивая.

"Вот сукин сын, что ты понимаешь? Если продать эту вещь, то можно купить на вырученные деньги хороший дом в центре нашего округа. Не зли старика..."

Простодушие Е Тяня не на шутку разозлило старого даоса, он чуть не задохнулся от возмущения. Это ж надо, его малолетний ученик ни в грош не ставил то, что с таким трудом было сохранено!

"Что? Наставник, не обманывай меня. Я тоже кистью писать умею, получится даже не хуже, чем на этих свитках и ткани..."

Е Тянь усмехнулся. Дом в центре округа стоит тысячи юаней. Какой дурак обменяет хороший дом на тряпку, которую только на бинты можно порвать?

"Старый... почтенный старый господин... эту надпись в самом деле сделал Чжан Дацянь?" (прим. Чжан Дацянь — известный китайский художник, картины которого на аукционах ценятся даже выше, чем полотна Пикассо.)

Не обращая внимания на недоумение Е Тяня, Ляо Хаодэ аккуратно взял ткань у него из рук и бережно разложил ее на крышке сундука, благоговейно рассматривая.

Отец Ляо Хаодэ был филологом и педагогом, поэтому старик прекрасно знал о знаменитых художниках Ци Байши и Чжан Дацяне.

Впрочем, картина Ци Байши оставила его равнодушным. Но, увидев каллиграфию Чжан Дацяня, он забыл о том, зачем пришел сюда.